

мемуарной прозы лежит память, поскольку она воспроизводит непосредственное впечатление о фактах и процессах действительности в том виде, в каком они сохранились ко времени написания мемуарного произведения. Являясь основой культуры, память позволяет нам ввести мемуарную прозу в русло культурных феноменов, как показатель уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому, а, следовательно, и к своему бытию вообще.

Источники и литература

1. Гаранин Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы: Историко-теоретический очерк. – Минск, 1986. – 222 с.
2. Герцен А.И. Собрание соч.: В 30 т. – М., 1956. – Т. 9. – 354 с.
3. Днепров В. Идеи времени и формы времени. – Л.: Л.О. изд-ва «Сов. писатель», 1980. – 600 с.
4. Левицкий Л.А. Где предел субъективности? // Вопросы литературы. – 1974. – № 4. – С. 101-115.
5. Литературный энциклопедический словарь // Под ред. Кожевникова В.М., Николаева П.А. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
6. Симонов К.М. Не золотая середина // Вопросы литературы. – 1971. – №6. – С. 83-85.
7. Сиротина И.Л. Культурологическое источниковедение: проблема мемуаристики // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. (Материалы международной научной конференции). – Санкт-Петербург. – Вып. 12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 226-232.
8. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
9. Шкловский В.Б. За сорок лет. – М., 1965. – 455 с.
10. <http://www.ruthenia.ru/document/418856.html>

Поступила в редакцию 12.07.2005 г.

УДК 821. 161. 1 В – 1. 09

Темная О.В.

НЕБЕСНАЯ МИСТЕРИЯ М. ВОЛОШИНА

В статье рассматривается «небесный миф» М. Волошина сквозь призму его мифопоэтических представлений.

Ключевые слова: миф, космос, поэзия

У статті розглянуто „небесний міф” М. Волошина крізь призму його міфопоетичних уявлень.

Ключові слова: міф, космос, поезія

The author considers the “heavenly myth” of M. Voloshin through prism his myth-poetic notions.

Key words: myth, cosmos, poetry

Л. Озеров в одной из своих статей назвал М. Волошина «поэтом космических предчувствий» [1, с. 20]. Действительно, небесная тематика занимает значительное место в литературном наследии певца «Киммерии печальной». «Астрономическая образность» неоднократно привлекала внимание волошиноведов. Примечательно то, что интерес к данной теме проявляют как исследователи, разделяющие естественнонаучные взгляды (например, статьи Л. Озерова «Максимилиан Волошин, увиденный его современниками» [1], В. Цветкова «М.А. Волошин и естественные науки» [2], Р. Баландина «Вселенная живая и мертвая: М.А. Волошин и В.И. Вернадский о двух синтезах космоса» [3] – в данном случае подчеркивается точность астрономических наблюдений, «наличие емких аналогий, основанных на достижениях аналитического научного метода» [2, с. 123]), так и ученые, рассматривающие творчество поэта с точки зрения отражения в нем оккультно-мистических идей (Н. Кобзев «Эзотерическая символика М.А. Волошина (цикл стихов «Звезда Полярная»)» [4], С. Пинаев «Солнце и Луна в эзотерическом космосе М. Волошина» [5], «Гимническая поэзия М.А. Волошина» [6], И. Левичев «Духовное влияние А.Р. Минцловой на творчество Максимилиана Волошина» [7] и др.). Сложившаяся ситуация вполне закономерна, поскольку является следствием волошинского стремления к универсализму – сплавлению в едином творческом огне «глубинных прозрений» науки, религии и философии. Предлагаемое исследование носит обобщающий характер и выполняет функцию своеобразной «прелюдии» к циклу более ранних работ, посвященных исследованию небесной символики М. Волошина («Святое око дня...»: Солярная символика в поэзии М. Волошина), «Земля как “первоэлемент” символической картины мира М. Волошина», «Луна и лунный мир в поэтическом космосе М. Волошина»). Мы ставим перед собой задачу рассмотреть «небесный миф» М. Волошина сквозь призму его мифопоэтических представлений, указать на источники его формирования.

В поэзии М. Волошина жизнь небес одухотворена, мифологизирована, небо для него – «родная бездна», а земная жизнь – медленное и целеустремленное восхождение ввысь. Подобно халдейским звездочетам, «коктебельский затворник» стремился приблизиться к небесным тайнам, постичь звездную мудрость. Многие современники поэта свидетельствуют о его глубоких познаниях в области астрономии. В примечаниях ко второму тому неизданных материалов М. Волошина В. Купченко пишет, что

увлечение поэта астрономией «началось в гимназические годы с произведений К. Фламариона. Отчасти для наблюдения звездного неба была сооружена «вышка» на крыше волошинского дома. В воспоминаниях о Волошине (относящихся к 1913 г.) М.П. Редлих свидетельствовал: «Очень интересны были его путешествия по звездному небу. Он очень хорошо знал множество созвездий и звезд и рассказывал с необыкновенным интересом античные легенды, связанные с звездным небом». Именно как «звездочета» вывел Волошина в рассказе «Обломки» Андрей Соболев. Весной 1927 г. Волошин был принят – по рекомендации харьковчанина Л.Л. Андренко – во Французское Астрономическое общество» [8, с. 152]. Небеса для него были подобны книге, в которой звезды начертали таинственные алмазные руны о судьбах мироздания. В одном из писем М. Волошин отмечает, что «ходом истории и судьбами отдельных избранных» руководит не обыденная, но «"звездная" логика планет» [8, с. 168]. Небеса в его поэзии – «вещи»: к ним обращается поэт с молитвами («Я не просил иной судьбы у неба, / Чем путь певца» [9, с. 155]); они дают людям знаки о приближающийся катастрофах («Был в свитках туч на небе явлен вновь / Грозный стих закатного Корана...» [9, с. 95]; «В багряных свитках зимнего тумана / Нам солнце гневное явило лик тройне» [9, с. 251]).

Подлинными шедеврами, с точки зрения реализации «космической», «звездной» тематики, можно считать венки сонетов «Corona astralis» и «Lunaria». В своих познаниях звездного неба М. Волошин опирался не только на труды ученых-астрономов, но и изучал книги оккультно-эзотерического толка. Так, в письмах 1913 г. М. Волошин сообщает адресатам о том, что перечитывает курс лекций Р. Штейнера «Духовные иерархии и их отражение в физическом мире» – «второй раз с конспектом», – в которых, по его словам, «каждое слово откровение» [8, с. 121]. «... из цикла о Иерархиях, – отмечает поэт, – мне раскрылась совсем иная картина звездного мира и Луны в частности. Но в то же время явилась возможность посмотреть со стороны на написанное мною. И меня удивляет там не напутанное, а то, что многое было угадано» [8, с. 121].

М. Волошин считал, что жизнь человека тесно связана с жизнью небес. Спускаясь «на дно миров», облекаясь в покровы плоти, «звездный» дух становится человеком. Однако и в плену «земной тюрьмы» его томит память о духовной родине. В процессе духовного восхождения, «высвобождаясь от власти малого, беспамятного "я"», считал поэт, человеческий дух перерастает границы личности и становится активным соучастником космической мистерии:

Твой дух дерзающий познает притяженья
Созвездий правящих и волящих планет... [9, с. 217].

Интересно, что планеты у М. Волошина – «волящие», т.е. проявляющие волю, жизненную активность. Это не просто «сгустки вещества», а живые сущности, имеющие свою судьбу и осуществляющие божественный замысел. В «Очерке тайноведения» Р. Штейнер пишет о том, что развитием планет управляют «Духи Мудрости», которые в христианской теологии называются «Господства», «Духи Воли» («Престолы») и «Духи Движения» («Силы»), сущность которых «изливается» через планетарные тела [10, с. 120-121]. Рассматривая процесс развития Сатурна, он утверждает, что состояние этой планеты – «это сплошь одна только воля» [10, с. 120], а чуть дальше отмечает, что «Сатурн является в целом одушевленным существом» [10, с. 121]. В статье «Город в поэзии Валерия Брюсова» М. Волошин пишет: «Учение о духах звездных и духах стихийных представляет вполне последовательную и стройную систему, обнимающую собой все ткани мировой жизни. По этому учению, человек так близко и органично слит с мировой жизнью, что его дыхание, его кровотоечение, его сознание, его страсти являются такими же жизненными стихиями, в которых живут духи, окружающие землю, как для него самого жизненными стихиями являются воздух, вода, земля и огонь» [11, с. 425].

Человек связан с космической жизнью и «кровной» связью. «Лепечущую» в венах кровь, хранящую тайны вселенной («Кровь знает больше человека и помнит сокровенные тайны мироздания» [12, с. 192].), М. Волошин называет «звездным соком» [9, с. 78] и связывает ее возникновение с «трагедией Сатурна» (подробнее об этом – в статьях И. Левичева [7] и Н. Кобзева [4]). Человеческое тело – «преображенье погибших вселенных» [13, с. 409], «малый сгусток / Тусклых солнц / И стынущих планет» [13, с. 161]. Поэт считал, что оно создавалось в «долгих планетных кругах», согласно учению Р. Штейнера, проходя поэтапно становление во вселенных Сатурна, Луны и Солнца (стихотворение «Сатурн»). Отсюда – трепетное отношение М. Волошина к человеческому телу, которое он созерцает как ваятель – главное творение своей жизни, которому суждено прославить его в веках («Я люблю тебя, тело мое...»).

Важным источником для М. Волошина стала Каббала с ее учением о Великом Человеке Небес (Адаме Кадмоне), которое нашло свое поэтическое воплощение в цикле поэм «Путями Каина», повествующих о развитии жизни. Она завершается такими строками:

* Наряду с этой концепцией, в ряде текстов М. Волошина находит поэтическое воплощение теория Р. Кентона, согласно которой кровь – это «древний Океан», в котором зародилась жизнь и который пращур человека «унес в себе», выйдя из воды на сушу.

И каждый
Внутри себя увидел солнце
В Зверином Круге...
...И сам себя судил [13, с. 62].

В этой окончательной слиянности человеческого и небесного (макро- и микрокосмоса), по мнению поэта, и заключается смысл эволюции.

Примечательно, что даже любовь представлена М. Волошиным в одном из стихотворений как некое космическое действие:

Как Млечный Путь, любовь твоя
Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.

Ты слезный свет во тьме железной,
Ты горький звездный сок. А я –
Я помутневшие края
Зари слепой и бесполезной [9, с. 73].

Оказало влияние на М. Волошина и пифагорейское учение о космосе как о гармонии, предопределенной «ритмами творящих чисел»: «С тихим звоном, стройно и нескоро, / Возносясь над чуткою водой, / Золотые числа Пифагора / Выпадают мерной чередой» [9, с. 114]. Важнейшими науками античный философ считал математику, музыку и астрономию, поскольку лишь они могут дать ключ к пониманию жизни небес, все элементы которой находятся в числовых, гармонических соотношениях. М. Волошин заимствует у Пифагора учение о звучащем космосе:

А в горних безднах сферы
Поют хрустальным звоном,
И созвездья
Гудят в Зверином Круге [13, с. 425].

В процессе развития цивилизации отношение человека к небесной жизни постепенно менялось. Эту смену представлений человека о вселенной и своем месте в мировом целом поэт пытается проследить в уже упоминавшемся цикле «Путями Каина». Так, в культуре Древнего Востока, считал М. Волошин, человек постоянно ощущал свою сопричастность небесной, космической жизни, «прислушиваясь к музыке миров, / К гуденью сфер и к тонким звездным звонам» [13, с. 45], по «сочетаниям светил» предопределял судьбы мира. В эпоху античности «небесный мир» закрылся для него, став «ареной, залитою солнцем, / Под куполом из черного эфира, / Опертым на Атлантово плечо» [13, с. 45]. Космогония Средневековья основывается на христианской доктрине, где небо – сакральная сфера, божественная обитель, «царство божие на небесах» (так, в «Божественной комедии» Данте, которую исследователи по праву называют «суммой средневековья», рай соотношен с небесной сферой).

Земля была недвижным темным шаром.
Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звезд и Первосилы,
И всё включал пресветлый Эмпирей [13, с. 47].

Апологеты христианства развивают учение о Небесной Иерархии (труды Д. Ареопагита), небесном Иерусалиме, которое нашло отражение в поэме М. Волошина о Серафиме Саровском и некоторых других текстах. В христианстве небеса символизируют высоту духа, святость, они являются вестниками божьей воли. Небеса – духовная родина человека («Духом возносясь домой – на небо» [13, с. 124]; «Построен сруб – соломою наладен: / Корабль мой огненный – / На родину мне ехать / ... / Святая Троица! Христос мой миленькой! / Обрато к Вам в Иерусалим небесный!» [9, с. 317]).

В эпоху Нового времени мир в сознании человека утрачивает свою сакральность. Самонадеянный человек, опирающийся на рациональное познание, «изгоняет» из него Божество:

Раздвинута темница мирозданья,
Хрустальный свод расколот на куски
И небеса проветрены от Бога» [13, с. 74].

Поэт-пантеист не приемлет механистическую философию, сводящую мировое целое к «круговороту вещества», считает ущербным потребительское отношение к природе, превращающее «храм» в «мастерскую». Рационалистическая наука, которая пытается «втиснуть» жизнь вселенной в примитивные схемы, сплавить «призрак истин... в стройный бред» [9, с. 201], по мнению М. Волошина, не способна постичь небесные тайны, открытые внутреннему зрению поэта-мифотворца, для которого все сущее исполнено таинственных значений и напоминает грандиозную космическую мистерию, активным соучастником которой является он сам.

Источники и литература

1. Озеров Л. Максимилиан Волошин, увиденный его современниками / Воспоминания о Максимилиане Волошине / Сост. и комм. Купченко В.П., Давыдова З.Д. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 5-26.
2. Цветков В. М.А. Волошин и естественные науки // Волошинские Чтения: Сборник научных трудов / Сост. В.П. Купченко. – М., 1981. – С. 123-127.
3. Баландин Р. Вселенная живая и мертвая: М.А. Волошин и В.И. Вернадский о двух синтезах космоса // Дружба народов. – 1995. – № 12. – С. 162-172.
4. Кобзев Н. Эзотерическая символика М.А. Волошина (цикл стихов «Звезда Полюнь») // М.А. Волошин – поэт и мыслитель: Материалы Десятой Междунар. науч. конф. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С. 143-161.
5. Пинаев С. Солнце и Луна в эзотерическом космосе М. Волошина // VII и IX Волошинские Чтения: Материалы и исследования. – Симферополь: Крымский Архив, 1997. – С. 84-86.
6. Пинаев С. Гимническая поэзия М.А. Волошина // М.А. Волошин – поэт и мыслитель: Материалы Десятой Междунар. науч. конф. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С. 178-186.
7. Левичев И. Духовное влияние А.Р. Минцловой на творчество Максимилиана Волошина // М.А. Волошин – поэт и мыслитель: Материалы Десятой Междунар. науч. конф. - Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С. 43-50.
8. Волошин М. Из литературного наследия. – Вып. 2. – СПб.: Алетейя, 1999. – 297 с.
9. Волошин М. Стихотворения и поэмы 1899-1926. – М.: Эллис Лак 2000, 2003. – 608 с.
10. Штайнер Р. Очерк тайноведения. Мистика на заре духовной жизни нового времени. Философия свободы. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2000. – 688 с.
11. Волошин М. Лирика творчества / Под ред. В.А. Мануйлова, В.П. Купченко, А.В. Лаврова – Л.: Наука, 1988. – 848 с.
12. Волошин М. Из литературного наследия. – СПб.: Наука, 1991. – 244 с.
13. Волошин М. Стихотворения и поэмы 1891-1931. – М.: Эллис Лак 2000, 2004. – 768 с.

Поступила в редакцию 05.07.2005 г.

УДК 82.09.161.1/161.2

Шацький І.В.

ЕВОЛЮЦІЯ ХАРАКТЕРУ ЛІРИЧНОГО ГЕРОЯ В ПОЕЗІЇ О.ОЛЬЖИЧА

Статья посвящена исследованию субъективной организации поэзии О.Ольжича, в частности изучению характера и эволюции лирического героя в поэзии О.Ольжича. Осмысливаются истоки мировоззрения Ольжича-поэта. Много внимания уделено взаимосвязи между художником и действительностью в поэтическом творчестве, проблемам, связанным с пониманием категории «лирический герой» в литературоведении.

Ключевые слова: поэтика, лирика, лирический герой, образ автора, лирический персонаж, жанр, поэзия, субъективизация, объективизация

Стаття присвячена дослідженню суб'єктивної організації поезії О.Ольжича, зокрема висвітленню характеру та еволюції ліричного героя в поезії О.Ольжича. Осмислюються витоки світогляду Ольжича-поета. Багато уваги приділено взаємозв'язку між художником та дійсністю в поетичній творчості, проблемам, пов'язаним з розумінням категорії «ліричний герой» в літературознавстві.

Ключові слова: поетика, лірика, ліричний герой, образ автора, ліричний персонаж, жанр, поезія, суб'єктивізація, об'єктивізація

This article is devoted to the analysis of the subjective organization of O. Olzhych poetry in particular to studying the character and the evolution of the lyrical hero in O. Olzhych poetry. The roots of O. Olzhych's world outlook as a poet are comprehended. Much attention is paid to the interconnection between the poet and the reality in the poetical work, to the problems which are connected with the understanding of the "lyrical hero" category in literary studies.

Key words: poetics, lyrics, lyrical hero, author's personality, lyrical person, a genre, poetry, subjectivation, objectivation

Ліричний герой Ольжича не відразу постав як цілком сформована особистість. Як і кожна людина, він пройшов певні етапи свого духовного розвитку, своєї духовної еволюції. Водночас, простежуючи еволюцію характеру ліричного героя, ми простежимо й еволюцію характеру самого поета, адже в образі ліричного героя поет втілює свій ідейно-естетичний ідеал, свою життєву позицію, свої осяяння, думки, переживання і розуміння життєвих процесів. Вже у найраніших віршах ліричний герой О.Ольжича досить чітко окреслився у своїх ідеалах. Понад усе герой любить свою батьківщину – Україну. Ліричний герой виражає впевненість, що Україна невмируща і що він на правильному шляху. Прикметною особливістю ранніх віршів О.Ольжича у зображенні ліричного героя є мотиви «очікування». Ліричний герой відчуває, усвідомлює свою винятковість, відчуває, що в нього є якась таємна місія, яку він покликаний виконати, проте в нього ще немає чіткого усвідомлення свого призначення. В ліриці О.Ольжича 20-30-х рр. можна виокремити два періоди, які помітно відрізняються стильовими предметно-художніми відношеннями, – період «імпресіонізму» (цикли «Камінь», «Кремій», «Бронза», «Залізо») та